

УДК 327(438)

Буневич Д. С.*Институт русско-польского сотрудничества**123001, г. Москва, Трёхпрудный переулок, д. 10/2, Российская Федерация***«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТАНАТОС» ПОЛЬШИ¹****АННОТАЦИЯ**

В статье в историческом контексте с применением методологии психоаналитического подхода к исследованиям историко-культурной памяти (memory studies) рассматривается поведение Польши в системе международных отношений, её взаимодействие с ЕС, США и Россией. Автор выдвигает в качестве гипотезы положение о том, что над польской внешней политикой довлеет «стратегический танатос» – исторически обусловленная практика тактически осмысленного, но стратегически деструктивного поведения, которое при декларировании сохранения суверенного государства в качестве сверхценности в долгосрочной перспективе снижает уровень национальной безопасности и увеличивает международно-политическую напряжённость вокруг Польши. Высказывается также утверждение, что курс Польши на выстраивание «привилегированных» отношений с США и польская активность на постсоветском пространстве являются продолжением политики Польши межвоенного периода, чей исторический опыт не был в должной мере отрефлексирован и критически переосмыслен польской политической и интеллектуальной элитами. Следствием этой политики стало объективное ухудшение стратегического положения современной Польши. Автор прогнозирует, что правящие в Польше антилиберальные национал-клерикалы из партии «Право и справедливость» на фоне нарастающего конфликта с Еврокомиссией попытаются опереться на поддержку США и стать центром притяжения европейских правых популистов. Инициативы Президента Франции Эммануэля Макрона по углублению евроинтеграции, а также строительству совместно с Россией новой архитектуры безопасности на континенте говорят о том, что европейский истеблишмент стремится снизить военно-политическую зависимость ЕС от США, Брюссель поэтому будет достаточно жёстко противостоять польской фронде. Указывается также, что на примере Польши Россия может видеть обоснованность надежд на сотрудничество с европейскими правыми популистами. Делается вывод, что Польша совершит крупную ошибку, если, рассчитывая на гипотетическую американскую поддержку, попытается помешать процессу консолидации Европы и нормализации российско-европейских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Польша, Россия, Евросоюз, США, историческая память, популизм, национализм.

¹ Впервые статья опубликована на английском языке. См.: Bunevich D. The "Strategic Thanatos" of Poland // Russia in Global Affairs. 2018. № 4. P. 72–94.

СТРУКТУРА

Введение

В плену великого упрощения

Сеятели бури

Enfant terrible Евросоюза

Заклучение

D. Bunevich*Institute of Russian-Polish Cooperation**10/2 Trekhpudnyi pereulok, 123001 Moscow, Russian Federation***“STRATEGIC THANATOS” OF POLAND****ABSTRACT**

This article examines the behavior of Poland on the international stage, specifically its interaction with the European Union, the United States, and Russia in the historical context using the psychoanalytic approach to memory studies. The author presumes that Polish foreign policy may be dominated by “strategic thanatos” – a historical practice of tactically meaningful but strategically destructive behavior which, while declaring the state’s sovereignty a supreme value, in the long run reduces the level of national security and increases international political tensions around Poland. The author suggests that Poland’s policy of building “privileged” relations with the United States and its activity in the post-Soviet space is a continuation of Poland’s interwar policy, whose historical implications have not been critically reconsidered by Polish political and intellectual elites. This policy has resulted in an objective deterioration of the strategic position of modern Poland. The author predicts that, amid the growing conflict with the European Commission, the ruling anti-liberal national clericals from the “Law and Justice” party will try to rely on the U.S. support and become the center of gravity for European rightwing populists. The proposals of French President Emmanuel Macron to deepen European integration and build new European security architecture together with Russia suggest that the European establishment is seeking for the reduce of the EU’s military and political dependence on the U.S. Brussels will therefore strongly oppose the Polish Fronde. The article also points out that Poland’s example shows to Russia that its hopes for cooperation with European rightwing populists are futile. The author concludes that Poland would make a big mistake if, relying on hypothetical American support, it tries to hinder the process of European consolidation and the normalization of the Russian-European relations.

KEY WORDS:

Poland, Russia, the European Union, the U.S., historical memory, populism, nationalism

ВВЕДЕНИЕ

Современная Польша, или Третья Речь Посполитая, как она также именуется в официальных польских документах, представляет собой далеко не первый опыт строительства национальной государственности, осуществляемый поляками. Само наименование государства указывает на определённую историческую традицию, наследниками которой осознают себя польские элиты. В польском политическом и научном дискурсах в целом утвердилась следующая периодизация национальной государственности Нового и Новейшего времени: Первая Речь Посполитая (1569–1795 гг.), Великое герцогство Варшавское (1807–1815 гг.), Вторая Речь Посполитая (1918–1939 гг.), Третья Речь Посполитая (с 1989 г.). При этом наименование «Речь Посполитая» (калька с лат. *Res Publica*: *rzecz* – дело; *pospolita* — общее) сознательно не распространяется на Народную Польшу (1945–1989 гг.), что лишь подчёркивает отношение поляков к социалистическому периоду своей государственности как к искусственному искажению естественного хода национальной истории.

Эта пёстрая палитра названий и дат скрывает за собой не просто смену политических режимов, как это, например, характерно для Франции с её пятью республиками и двумя империями. В польской истории переход от одного государственного проекта к другому, к сожалению, осуществлялся в большинстве случаев через катастрофы, заканчивавшиеся гибелью и исчезновением самой государственности. За последние 250 лет Польша не менее шести раз становилась жертвой разделов или случаев определения границ и внутреннего устройства страны без учёта её позиции: три раздела в XVIII в., Венский конгресс 1815 г., Германо-советский договор 1939 г., решения Большой тройки в Ялте и Потсдаме в 1945 г. В известной мере катастрофа является обыденностью польской истории, а сценарии разделов и гибели государства повторяются с пугающей частотой.

Память об этих повторяющихся коллапсах государственности стала глубокой «исторической травмой» польского национального сознания и привела к формированию у многих политиков и интеллектуалов специфического взгляда на роль Польши в мире и в Европе. Нормой для элиты Третьей Речи Посполитой стало гипертрофированное внимание к любым потенциальным внешнеполитическим рискам для страны, могущим представить даже гипотетическую угрозу для её исторического существования. Польский культуролог Эва Доманьска с горечью замечала в связи с этим, что «категория “жертвы” – ключевая концепция для понимания польского подхода к польской истории» [11, р. 257], с ней соглашался и британский историк Норман Дэвис, отмечавший, что польские исследователи «заняты в первую очередь историей разделов. Падение старой Польши, его причины и последствия, остаются и до сегодняшнего дня главной страстью польской историографии» [10, р. 176].

Специфическая историческая традиция, породившая в Польше мироощущение страны-жертвы, прослеживается как минимум с XIX в., когда трудами выдающегося польского историка Иоахимма Лелевеля и поэта-романтика Адама Мицкевича политическая судьба их Родины была уподоблена ни много ни мало судьбе Иисуса Христа: был создан нарратив, в рамках которого утверждалось, что Польша была уничтожена своими соседями за то, что сохранила истинную веру и отказалась поклоняться «идолам политических интересов». Польша поэтому, согласно концепции Лелевеля-Мицкевича, является своеобразным «Христом наций», которому суждено быть распятым за грехи Европы [2]. Этот экзотический, вероятно, для российского читателя концепт поразительным образом был отчасти воспроизведён и в XX в., когда уже Вторая Речь Посполитая сначала пала под натиском нацистской Германии в сентябре 1939 г., не получив никакой реальной помощи от своих союзников из Франции и Великобритании, а затем была вновь оставлена западными державами на милость Иосифа Сталина в Ялте в феврале 1945 г. Ещё во времена Польской Народной Республики (ПНР) Ялтинские соглашения стали восприниматься польскими диссидентами и оппозиционными культурными деятелями в рамках традиции повторяющихся национальных катастроф и особой польской жертвенности. Так, по словам известного польского журналиста и диссидента, а впоследствии депутата постсоциалистического Сейма Лешека Мочульского, именно Ялта «узаконила последний раздел Речи Посполитой» [18], а знаменитый польский бард Яцек Качмарский даже посвятил этому событию свою популярную и наполненную глубоким трагизмом песню «Ялта».

Говоря о национальном историческом опыте середины XX в., современная польская исследовательница Моника Сус констатировала, что начало Второй мировой войны и вступление Красной армии на территорию Польши 17 сентября 1939 г. серьёзно повлияли на современную политическую культуру поляков и усилили и без того острое ощущение угрозы, постоянно присутствовавшее в польском политическом сознании [27]. С этим тезисом, очевидно, согласен и известный польский учёный и бывший глава МИД Адам Ротфельд, утверждавший, что именно повторявшиеся в прошлом разделы Польши создали и продолжают поддерживать в поляках уверенность в том, что страны-соседи по-прежнему представляют угрозу для польского суверенитета [26]. Эти настроения заметно усилились со второй половины 2000-х гг., когда национал-консервативная партия «Право и справедливость» фактически сделала т. н. историческую политику идейным основанием своих внешне- и внутривнутриполитической линий, что даже дало основание историку Анджею Фришке несколько панически предупредить своих соотечественников: «Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая – идёт настоящая война за память!» [16].

Можно предположить даже, что память о разделах, и прежде всего об «образцовых» первых разделах XVIII в., заложивших своеобразную трагическую традицию, стала отправной точкой для всех последующих актов поль-

ской рефлексии на тему внешней политики. В связи с этим важно, что первый «опыт гибели» Речи Посполитой прошёл в специфических условиях деградации Вестфальской системы в Восточной Европе, ставшей после Семилетней войны местом ожесточённого столкновения интересов двух германских государств, Австрийской монархии и Пруссии, а также стремительно усиливавшейся России [6]. Архаичная и наполненная религиозным напряжением, но отнюдь не обречённая внутренне старая Польша стала заложником этого противостояния, выход из которого был оплачен, однако, ценой её существования – именно передел Восточной Европы и уничтожение Первой Речи Посполитой стали условиями выработки нового *modus vivendi* великих континентальных империй, в целом обеспечившего их более-менее мирное сосуществование до начала XX в. Закономерно поэтому, что последующие польские лидеры, размышляя о задачах внешней политики Польши, более всего опасались повторения такого стратегического положения, при котором судьба их страны стала бы платой за компромисс великих держав на «европейском Востоке», где формирование национальных границ и самих национальных государств шло иначе, чем на западе континента.

Представляется, однако, что проблемы польского самовосприятия не ограничиваются лишь историческими рефлексиями на тему Польши-жертвы, но и приводят к тому, что автор, отталкиваясь от общекультурологических построений Ж. Бодрийяра [8], предлагает называть «стратегическим танатосом» Польши тактически осмысленное, но стратегически деструктивное поведение на международной арене, которое при декларировании сохранения суверенного государства в качестве сверхценности в долгосрочной перспективе снижает уровень национальной безопасности и увеличивает международно-политическую напряжённость вокруг Польши. Невротический страх перед неотрафлексированной и повторяющейся катастрофой, к несчастью, приводит поляков к действиям, которые в конечном итоге и приближают её.

Это фундаментальная, на взгляд автора, проблема Польши была бы частным делом страны, если бы не та роль, которую это выдающееся во всех смыслах государство объективно играло и играет в Европе. Демографический, экономический, культурный и военно-стратегический потенциал делает Польшу естественным претендентом на роль лидера, способного структурировать пространство от Балтики до Балкан. Если этот потенциальный региональный лидер, которого Джордж Фридман прочил некогда и в лидеры континентальные [15], испытывает на себе непрестанное и возрастающее влияние «стратегического танатоса», обеспокоены должны быть все игроки, для кого Восточная Европа является стратегически значимым регионом.

В ПЛЕНУ ВЕЛИКОГО УПРОЩЕНИЯ

Свойственное польскому политическому взгляду великое упрощение заключается, по мнению автора, в том, что большинство польских политиков

и стратегов совершенно искренне убеждены в том, что Россия и Германия стремятся к стратегическому союзу, а ценой и жертвой этого союза неизбежно должна быть Польша. Это экзотичное понимание вновь проистекает из трактовки прошлого: в целом поляки убеждены, что главной причиной минувших национальных катастроф был антипольский германо-российский сговор, а не внутренняя слабость различных исторических инкарнаций Польши, не польские ошибки на международной арене, не общее течение исторического процесса и т. д.

В связи с этим всякие попытки налаживания сотрудничества Москвы и Берлина рассматриваются в Варшаве именно через призму угроз и рисков для польского суверенитета, связанных с этим сближением. В начале 2000-х гг. немцы и русские были шокированы, когда активизация их сотрудничества в энергетической сфере и начало переговоров о строительстве трубопровода «Северный поток» привело к откровенной панике в Варшаве. Тогдашний премьер Казимеж Марценкевич совершенно серьёзно заговорил о попытке «перенести германо-российскую границу на запад от Польши», а министр обороны Радослав Сикорский, ставший хорошо известным в России уже после того, как в феврале 2014 г. выступил одним из гарантов сорванного Соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине, и вовсе сравнивал строительство газопровода с «пактом Молотова-Риббентропа» [17]. В середине 2000-х гг. язык публичных политиков и дипломатов ещё не упростился до современной незатейливости, поэтому подобные откровения выглядели как полная неспособность руководителей Польши контролировать свои страхи и комплексы.

В польской картине мира лидеры России и Германии (вне зависимости от того, как их зовут и какой век на дворе) начинают свои переговоры с «польского вопроса». Это упрощение заставляло и заставляет польскую дипломатию непрестанно искать способы противодействия гипотетическому «российско-германскому сговору». Сразу после 1989 г. – ключевого года новейшей польской истории, когда начались демонтаж социалистической ПНР и строительство современной польской государственности, – Варшава стала искать союзников западнее Германии.

Одного из таких потенциальных партнёров Польша первоначально увидела во Франции, и здесь опять не обошлось без влияния исторических факторов. Считая, что у Варшавы и Парижа некие «особые» исторические отношения², Польша попыталась выстроить партнёрство с Францией, которое должно было нейтрализовать потенциальные притязания Германии. Симво-

² В XVI и XVIII вв. правящие династии обоих государств были связаны династическими браками, в XVIII в. Речь Посполитая была одним из ключевых элементов французской дипломатической системы «восточного барьера», глубокое сближение французов и поляков имело место в XIX в., когда с политикой Наполеона I и Наполеона III польские патриоты связывали восстановление независимой Польши, а Париж в XIX в. стал крупнейшим центром польской политической эмиграции, в межвоенный период общие страхи перед ремилитаризацией Германии также способствовали сближению Франции и Польши.

лично, что польско-французский Договор о дружбе и солидарности 1991 г. был подписан за два месяца до заключения подобного «большого» польско-немецкого договора. В этом же году была создана «Веймарская тройка» – неформальный франко-польско-немецкий клуб, направленный на выработку единых подходов стран по основным проблемам европейской политики [28]. При этом французы, понимая, что Варшава заинтересована в Париже прежде всего как в противовесе немецкому влиянию, проявили удивительное равнодушие к чаяниям и страхам своих польских партнёров. После того как президент Лех Валенса озвучил Билу Клинтону желание своей страны вступить в НАТО, министр обороны Франции Франсуа Леотар прямо заявлял: «Стучаться в дверь НАТО значит стучаться в американскую дверь и просить американских гарантий. Нам это понятно, но это не наш подход. Мы хотим, чтобы просьба о безопасности была обращена к странам Европы» [29, р. 112–113].

Не Франция, однако, была главной надеждой поляков в их попытках найти союзников против воображаемого «германо-российского сговора». С наступлением «момента однополярности» [20] только союз с США мог быть воспринят в Варшаве в качестве успокаивающей гарантии безопасности и страховки от «российского реваншизма» и «германского экспансионизма». Американская поддержка, действительно, обеспечила вхождение Польши в НАТО в 1999 г. Казалось, что после этого Варшава, получив гарантии со стороны военно-политического союза, возглавляемого мощнейшим государством планеты, могла постепенно начать долгую, но необходимую работу по изживанию своих исторических страхов перед крупными соседями. Вместо этого польские элиты решили упрочить, как они полагали, свою стратегическую безопасность, начав играть на американско-европейских противоречиях.

В 2003 г. Польша полностью поддержала США в их операции против Ирака, проигнорировав позицию своих европейских соседей, Германии, Франции и России. Поляки и другие восточноевропейские элиты не ограничивались декларациями: в Ираке в период 2003–2005 гг. находились около 5000 военнослужащих этих государств. Желание встроиться в предложенную американцами трактовку их действий на Ближнем Востоке доходило до курьёзов. Так, например, публицист Ежи Редлих, говоря о мотивах польского участия в иракской операции, указывал на стремление Польши применить свой опыт «демократической трансформации» политических режимов [4]. В Польше, кроме того, расположились секретные тюрьмы ЦРУ, где содержались заключённые, подозреваемые американцами в терроризме, и к которым, по данным правозащитников, применялись пытки [7].

Вызванное сотрудничеством с США раздражение в Берлине и Москве, очевидно, воспринималось в Варшаве в качестве признака того, что Польша идёт правильным курсом. Работала логика *contradictio in contrarium*: если русские и немцы критикуют нашу дипломатию, значит, мы всё делаем правильно. В 2006–2008 гг. к вящему негодованию восточных и западных сосе-

дей Варшава и Вашингтон начали переговоры о размещении в Польше элементов глобальной системы противоракетной обороны, с инициативой создания которой Белый дом впервые выступил ещё в 2001 г. Последовательно занимая проамериканскую позицию во всех конфликтах, Польша ко второй половине 2000-х гг. стала одной из немногих крупных европейских стран, готовых безоговорочно поддерживать военные операции США и предоставлять территорию для размещения элементов ПРО. Выгоды самой Польши от такого тесного сотрудничества были более чем скромными и ограничивались скорее повышением ощущения собственной значимости в мировой политике у элиты, чем реальными достижениями страны. Польша активно участвовала в американской политике по ослаблению единства Европы и России, а также мешала консолидации континента на антиамериканской повестке. Одновременно с этим проамериканская польская элита вызывала всё большее раздражение партнёров из ЕС. Европейские публицисты, отражая общее недовольство Польшей в западноевропейских столицах, не стесняясь, называли страну «троянским ослом США в Евросоюзе».

«Правая» часть польского политического класса была обескуражена приходом в Белый дом администрации Б. Обамы, декларировавшей намерение укрепить партнёрство с ЕС и «перезагрузить» отношения с Россией. Польша, член Евросоюза и сосед России, увидела в этих переменах американского курса не шанс для себя, а угрозу. Реакция вновь была близка к панической, 16 июля 2009 г. в польском издании «Gazeta Wyborcza» было опубликовано открытое письмо, подписанное двадцатью двумя бывшими лидерами государств Восточной Европы, включая польских президентов Л. Валенсу и А. Квасьневского. Экс-лидеры региона горячо благодарили США за поддержку в годы холодной войны, декларировали свой статус «голосов атлантизма в НАТО и ЕС», напоминали о том, что вместе с американцами «воевали бок о бок на Балканах, в Ираке, а теперь и в Афганистане». Основным же посылом письма стала просьба к администрации Б. Обамы не отказываться от стратегического партнёрства с Восточной Европой и не оставлять регион на милость России, которая, по их мнению, «использует явные и скрытые инструменты экономической войны, от энергетической блокады и политически мотивированных инвестиций до подкупов и манипуляции СМИ, чтобы продвигать свои интересы и оспаривать трансатлантическую ориентацию Центральной и Восточной Европы» [30]. В письме содержались и конкретные предложения по новой американской стратегии в регионе, в частности, предлагалось не отказываться от развёртывания ПРО и укрепить взаимодействие институтов НАТО. Эти призывы, однако, не оказали влияния на решения Б. Обамы, Соединённые Штаты оказались абсолютно равнодушны к страхам своих польских союзников. Поляки оказались заложниками своих идеалистических представлений и были вынуждены подстраиваться под изменение американских приоритетов. США могли использовать Польшу

как против России, так и против потенциальных конкурентов среди консолидирующихся держав Западной Европы, но что получала сама Польша? Её отношения с Западной Европой ухудшались, а с Россией были и вовсе подорваны, а ведь именно Россия и «старая Европа» (и прежде всего Германия) были важнейшими польскими экономическими партнёрами, а отнюдь не США. При этом сами Соединённые Штаты, эксплуатируя тему трансатлантической солидарности, демонстрировали явное пренебрежение к интересам своих польских союзников. Так, поляки, которые имеют многомиллионную диаспору в США, не смогли, несмотря на неоднократные просьбы, добиться от Вашингтона введения безвизового режима.

Эта асимметрия польско-американских отношений неудивительна: в отличие от Польши, в американском экспертном сообществе не было и нет единой позиции по перспективам особого «польско-американского союза». Если такие ветераны холодной войны, как Эвард Люттвак [23] и Саул Коэн [9], полагали, что слишком тесные отношения с Варшавой не отвечают интересам Вашингтона и попросту сделают Соединённые Штаты заложником «польской игры против России», то их более молодые коллеги, кажется, склонны серьёзнее относиться к польскому вектору американской политики в Евразии. Например, упоминавшийся уже Дж. Фридман в одной из своих работ утверждал, что, хотя польская элита и связала вопрос обеспечения своей безопасности в первую очередь с тесным военно-политическим союзом с Вашингтоном, в случае гипотетического конфликта между Москвой и Варшавой США окажутся в сложном положении. Неизбежный крах Польши в случае её столкновения с Россией «один на один» неприемлем для Вашингтона, поскольку лишит американцев критически важного стратегического плацдарма на Северо-Европейской равнине, однако с логистической и военно-тактической точек зрения США потребуется достаточно много времени, на протяжении которого они не смогут оказать помощь Польше в её конфликте с Россией. В связи с этим Дж. Фридман считает, что Польше необходимо постепенно определяться со своей «большой стратегией» на первую половину XXI в. и учитывать, что США в своих военно-политических инициативах для восточноевропейского региона исходят из концепции поддержания баланса сил и оказания политической, технологической и экономической помощи, а не прямого военного участия в обеспечении безопасности своих союзников в регионе [14]. Другие американские стратеги, такие как Роберт Каплан [19] и Джон Ленчовски [21], обращают внимание на «энергетический фактор» в польско-американском партнёрстве. В частности, Р. Каплан предлагает рассмотреть возможность оказания американской финансовой и технологической помощи Польше по разведке запасов сланцевого газа и строительству терминалов по приёму сжиженного газа на балтийском побережье, что, вероятно, должно способствовать американской стратегии энергетического проникновения в Европу. В любом случае, взгляд американских исследова-

телей на Польшу и значение польско-американского партнёрства отличаются куда большим реализмом, чем польские надежды на «привилегированное партнёрство» с США.

Находящаяся в плену великого упрощения, связанного с иррациональным страхом германо-российского антипольского сговора, Варшава ещё в начале 1990-х гг. сделала ставку на безоговорочный союз с США, которому остаётся верна по сей день. Эта внешнеполитическая линия, которая, возможно, и имела рациональное зерно до присоединения страны к НАТО и Евросоюзу, стала совершенно деструктивной после интеграции Польши в евроатлантические структуры. Курс на безоговорочную атлантическую солидарность лишил Польшу пространства для внешнеполитического манёвра и убеждал Берлин и Москву, что «поляки недоговороспособны». Поразительным и зловещим образом повторялись ошибки, несколько раз допущенные польской элитой в конце XVIII – первой половине XX вв., когда вместо выстраивания отношений с Россией и Германией и формирования регионального согласия была сделана ставка на поддержку внешних по отношению к региону сил, тогда – на Францию и Великобританию, сейчас – на Соединённые Штаты.

СЕЯТЕЛИ БУРИ

Если считать, что риск большой войны в Европе вернулся с началом современного украинского кризиса 2013–2014 гг. и всем, что за ним последовало, надо признать, что на Варшаве лежит заметная доля ответственности за возникновение этой опасности. Именно Польша в сотрудничестве со Швецией выступила инициатором программы «Восточное партнёрство», направленной на вовлечение бывших республик СССР в орбиту влияния Брюсселя [12, р. 15]. Исследователи редко задаются вопросом, зачем, собственно, это было нужно Польше, ограничиваясь общими замечаниями об антироссийской направленности политики Варшавы на постсоветском пространстве. Вместе с тем в основании этой внешнеполитической линии лежат глубокие исторические и идеологические составляющие, обеспечивающие, на взгляд автора, важную грань польского «стратегического танатоса».

Проблема заключается в том, что Польша и Россия являются единственными славянскими странами, сумевшими к Новому времени сохранить собственное государство, создать самобытную «высокую» европейскую культуру и сформулировать собственные мессианские проекты для региона. Даже разделы XVIII в. не лишили Польшу политической и культурной элиты (аристократии, высшего духовенства, интеллигенции), которая имела глобальное видение положения в Европе, что стало существенным отличием Польши от других государств региона. Современные внешнеполитические амбиции польского руководства следует поэтому рассматривать в широком историко-культурном контексте, связанном с памятью польской элиты о многовековом политическом и культурном доминировании в Восточной Европе, мес-

сианской политике династий Ягеллонов и Ваза, а также истории межвоенной Польши, которая предложила собственный интеграционный проект для Востока Европы – Междуморье [24].

Несмотря на все произошедшие в прошлом катастрофы, поляки не отказались от своей «миссии на Востоке» и по-прежнему действуют под влиянием сформулированной в период правления маршала Ю. Пилсудского идеологии «прометеизма». Эта доктрина, утверждавшая ведущую роль Польши в Восточной Европе, содержала в себе отчётливую антироссийскую составляющую – предполагалось, что ослабление России возможно через поддержку в ней этнорегионального национализма. Польша должна была выступать в качестве покровителя народов, борющихся с «национальным угнетением», якобы организованным Советской Россией. Во второй половине XX в. «промететизм» был переосмыслен выдающимся польским эмигрантским мыслителем Ежи Гедройцем, который предложил концепцию «новой восточной политики», базировавшуюся на представлении о том, что Польша, отказываясь от «имперских амбиций» в духе Ю. Пилсудского, должна стремиться к выстраиванию равноправных отношений со своими соседями, что поможет ей сбалансировать взаимодействие с Россией или даже обезопасить себя от неё в случае угрозы. Утверждалось, что контроль Москвы над Украиной, Литвой и Белоруссией открывает путь к установлению российского господства и в Польше, а их независимость от России и государственный суверенитет способствуют и польской независимости. Е. Гедройц исходил из того, что Польша должна стать своеобразным «проводником» Востока в Европу и способствовать строительству национальных государств украинцами, белорусами и литовцами. Под влиянием идей «новой восточной политики» многие лидеры в Польше сегодня проповедуют переосмысленный «прометеизм» по отношению к молодым восточным государствам. Произошла частичная реанимация внешнеполитических концепций 1920–1930-х гг., в которых подразумевалось распространение польского влияния на Восток с основной целью – противодействовать русскому влиянию [22].

Кроме того, проект «Восточное партнёрство» в случае его реализации позволял Польше избавиться от весьма некомфортного для неё статуса «стратегического фронта» Европы, европейского пограничья, сразу за восточными рубежами которого начиналась зона преобладающего влияния России, которая к тому же не оставляла надежд на ту или иную форму реинтеграции этих пространств. Напротив, в случае успехов «Восточного партнёрства» таким новым «стратегическим фронтиром» ЕС становились бывшие советские республики, прежде всего крупнейшая из них – Украина. А сама Польша, окончательно перемещаясь в число стран европейского ядра, становилась бы ответственной за общее руководство этим «фронтиром» и реализацию там общеевропейской повестки. Как справедливо отмечали в связи с этим польские аналитики, «...то, что нас более всего интересует и что делает Польшу

партнёром Америки, а также крупнейших стран Запада, воплощается в нашей политике на Востоке» [25, р. 81]. Польское руководство небезосновательно надеялось, что реализация такого сценария будет поддержана и в США: формирование под эгидой Польши нового объединения на Востоке, всецело ориентированного на евроинтеграцию, поспособствовало бы и увеличению американского влияния в Европе. С этой точки зрения можно рассматривать «восточную политику» Польши не только как конкуренцию с Россией и стремление Варшавы избавиться от пограничного статуса, но и в более широком контексте соперничества США с франко-германским ядром Евросоюза.

Так под видом «творческого развития» концепции Е. Гедройца, декларировавшего отказ от идеологии «прометеизма», в действительности произошла модернизация политических подходов прошлого, которые теперь не включали в себя элемента прямой территориальной экспансии, но являлись всё же лишь новой версией старой доктрины, своеобразным «прометеизмом 2.0». Именно это постимперское мессианство и антироссийская стратегическая установка подталкивают польскую элиту к поддержке различных интеграционных проектов, ориентированных на постсоветские страны (Восточное измерение ЕС, Восточное партнёрство ЕС). В 2005 и в 2014 гг. Польша действовала на Украине строго в логике «прометеизма 2.0». Символично, что, рассуждая о современном украинском кризисе, даже такой тонкий знаток и ценитель русской культуры, как Ежи Помяновский, отмечает: «Если мы позволим Украине остаться в одиночестве, обрекая её тем самым на милость или немилость огромного соседа, то в силу естественных обстоятельств это станет для Польши возобновлением старой геополитической ситуации. А для России? Стимулом к проведению имперской политики...» [5, с. 38].

Так навязчивый страх потери суверенитета и мессианские устремления в отношении постсоветского пространства провоцируют столь активные действия Польши в области обеспечения безопасности, что они приводят к прямо противоположным результатам: к увеличению внешнеполитических рисков для Варшавы и росту нестабильности в регионе, к вооружённым конфликтам у её границ и наплыву беженцев из Украины. В силу культурно-исторических факторов польская дипломатия остаётся заложницей специфического «стратегического танатоса», подталкивающего Варшаву к политике, в долгосрочной перспективе снижающей уровень безопасности государства и увеличивающей международную напряжённость вокруг Польши. При этом польскими интеллектуалами обыкновенно упускается из виду, что именно конкуренция за влияние на народы, проживающие широкой дугой от Балтики до Северного Причерноморья, в прошлом не раз определяла участие России в антипольских акциях. Хотя Россия за редкими исключениями и не была заинтересована в судьбе непосредственно польских территорий, она тем не менее не могла мириться с тем, чтобы поляки доминировали в российско-польском пограничье.

ENFANT TERRIBLE ЕВРОСОЮЗА

Фигура Дональда Туска, занимавшего пост премьер-министра Польши в 2007–2014 гг., порой вызывала надежду на то, что Варшава постепенно изживает свои исторические страхи и комплексы. Свободно говорящий с Ангелой Меркель и Владимиром Путиным на немецком консервативный либерал, верующий католик и последовательный еврооптимист, Д. Туск символизировал мягкое обновление польской политической элиты, её готовность выдвигать новых лидеров, способных не заикливаться на старых польских страхах [3]. Именно при Д. Туске в исследованиях российско-польских отношений акцент стал делаться на словах «прагматизация», «нормализация» и «диалог». Были созданы перспективные политические форматы, такие как регулярные встречи «тройки» глав МИД России, Германии и Польши, а также начала выстраиваться расширенная инфраструктура гуманитарного сотрудничества – в Варшаве и Москве были созданы Центры диалога и согласия двух стран. Хотя именно в начале премьерства Д. Туска его министр иностранных дел Р. Сикорский и предложил проект «Восточное партнёрство», польская дипломатия, казалось, стала отдавать предпочтение западному вектору. И в Москве, и в Брюсселе Варшаву в это время всё больше воспринимали как сложного, но ответственного и разумного участника Евросоюза. Избрание лидера партии «Гражданская платформа» на пост председателя Европейского совета летом 2014 г. было символом того, что Польша не только юридически, но и культурно принята «старой Европой».

Особенно обнадеживающе для европейцев выглядели Д. Туск и возглавляемая им партия «Гражданская платформа» на фоне своего извечного политического антагониста – национал-консервативной партии «Право и справедливость», возглавляемой братьями-близнецами Лехом и Ярославом Качиньскими, первый из которых в 2005–2010 гг. занимал пост президента страны. Начиная с парламентско-президентского цикла 2007–2010 гг., конкуренция проевропейской «Гражданской платформы» и евроскептической партии Качиньских составляла главную ось польской политики, победителем из которой неизменно выходили либералы. Так было вплоть до выборов 2015 г., когда главой государства был избран молодой выдвиженец Л. Качиньского Анджей Дуда, а спустя всего несколько месяцев евроскептики вновь одержали убедительную победу на парламентских выборах и сформировали однопартийное правительство.

«Евроскептицизм», впрочем, недостаточное определение для идеологии правящей ныне в Польше партии. Сторонники Я. Качиньского разделяют то, что правильно было бы назвать последовательным и системным антилиберализмом: они придерживаются националистических и клерикальных взглядов, со скепсисом относятся к правам меньшинств, считают европейских либералов, социал-демократов и коммунистов врагами христианской Европы, возму-

щены принятием беженцев-мусульман и, конечно, многие из них являются откровенными ксенофобами, сексистами и сторонниками различных конспирологических теорий. Придя к власти в 2015 г., «Право и справедливость» словно предвосхитила право-популистский крен, начавшийся в западном мире с Brexit и победы Дональда Трампа в 2016 г. Разумеется, и ранее случалось, что в той или иной стране ЕС правительства формировали партии, чьи взгляды неприемлемы с точки зрения «брюссельского консенсуса», да и сами польские национал-консерваторы в 2005–2007 гг. уже контролировали президентский и премьерский офисы, чем доставили немало проблем партнёрам по ЕС своей последовательной германо- и русофобией. Это, однако, были лишь отдельные эпизоды, и держались подобные правительства обычно недолго.

Нынешняя ситуация отличается кардинально. Во-первых, правые популисты усиливают свои позиции по всей Европе. Во-вторых, польские национал-клерикалы, кажется, имеют вполне реальные шансы сохранить власть и после предстоящих в 2019 г. парламентских выборов. Этому способствуют как достаточно высокая поддержка населением социально-экономического курса властей, так и, вероятно, ряд мер (реформы судебной системы и реформа государственной СМИ), расширяющих полномочия исполнительной власти и её влияние на общество. В Брюсселе усматривают в польских реформах черты авторитарного наступления на независимость судов и свободу информации. После того как Варшава проигнорировала все призывы ЕС отказаться от проводимых преобразований, Еврокомиссия инициировала иск в Судебную палату Евросоюза, обвинив Варшаву в нарушении базовых норм европейского права [13]. При самом неблагоприятном для Польши развитии событий дело может дойти до отзыва у неё права голоса в Совете министров Евросоюза. Как же поступят польские национал-популисты в этой ситуации?

Если рассуждать строго рационально, нынешнему правительству следовало бы пойти на определённые уступки Брюсселю, чьи требования, в общем-то, заключаются в необходимости возвращения status quo, т. е. отказу от неоднозначных реформ. Рациональность мышления, однако, не является сильной стороной польского политического класса вообще и его правящего национал-клерикального крыла в частности. Есть основания предполагать, что и в этот раз возобладает «стратегический танатос» Польши: Варшава решит пойти на углубление конфликта с Брюсселем, рассчитывая на американскую поддержку и союз с правыми популистами в других странах ЕС. Здесь, вероятно, тоже будут надежды на США – один из лидеров американских «альт-райтов» Стивен Бэннон недавно анонсировал создание «Движения», содружества крайне правых партий Европы. В контексте поисков путей сближения с США на фоне углубления конфликта с Еврокомиссией следует рассматривать и недавний визит Президента А. Дуды в Вашингтон и его предложение разместить на территории Польши крупную американскую военную базу, которую уже думают назвать «Форт Трамп».

Евросоюз мог отчасти мириться с фрондой венгерского премьера Виктора Орбана, которого Брюссель также много лет упрекает в авторитарных тенденциях. Венгрия – страна не того масштаба (экономического, демографического и военно-стратегического), чтобы представлять угрозу для единства ЕС. Да и наличие одного неопасного «бунтаря без причины» создавало видимость известного плюрализма и в тоже время было назидательным примером, как не надо себя вести элитам Восточной Европы. Польша – страна совершенно другого калибра, а её элита, имеющая собственное стратегическое мышление, обоснованно может претендовать на то, чтобы консолидировать вокруг себя «альтернативную Европу», отвергающую либеральные принципы ЕС. Особую опасность для Брюсселя представляет ставка поляков на то, что эта «альтернативная Европа» будет поддержана США. В условиях усиливающегося атлантического разлома и на фоне всё более громких призывов Президента Франции Эммануэля Макрона строить новую архитектуру безопасности на континенте вместе с Россией создание в Восточной Европе бастиона американского военно-стратегического и политического присутствия совершенно неприемлемо для ЕС.

Неудивительна поэтому и столь жёсткая реакция Еврокомиссии на действия польского правительства. Внутриевропейские санкции, впрочем, могут не ограничиться лишением Варшавы права голоса и многомиллиардными штрафами. Польская экономика чрезвычайно тесно связана и зависит от европейской, прежде всего от германской, а среди польского правящего класса, включая лидеров нынешней оппозиции, достаточно тех, кто будет рад опереться на европейский ресурс в своей внутривнутриполитической борьбе. Существуют и более специфические методы давления на неудобные правительства, которые тем проще осуществить, что информационную картину в Европе определяют не «альтернативные СМИ», а те самые «либеральные медиа», которые глубоко презируют идеологию «Права и справедливости». Одним словом, конфликт Варшава – Брюссель, если он разразится в полную силу, чего нельзя исключить, учитывая названные ранее историко-культурные предпосылки, вряд ли сможет закончиться благополучно для польских национал-популистов: брюссельские жернова мелют медленно, но верно.

Важно и то, что польское общество и политический класс, как показали недавние муниципальные выборы, по-прежнему расколоты на романтиков-националистов и проевропейских конформистов. Бывший премьер-министр Д. Туск, который, возможно, в 2019 г. будет претендовать на пост главы государства, не зря предупреждает своих соотечественников: если «Право и справедливость» останется у власти, страна может выйти из ЕС. Эта угроза ещё способна напугать избирателя, ведь подавляющее большинство поляков, несмотря на поддержку национал-клерикального правительства, всё же одобряют нахождение страны в Евросоюзе. Польские либералы поэтому видят залог благополучия и безопасности своего государства именно в членстве в ЕС при аккуратном сотрудниче-

стве с США, которое бы не раздражало Брюссель. Но что будет делать Польша, если ставка либералов на ЕС по тем или иным причинам не оправдается – ЕС не сможет выйти из кризиса, либо этот выход будет подразумевать исключение Польши из Союза, создание «Европы двух скоростей» или другой сценарий, предусматривающий серьёзное переформатирование Евросоюза?

Кроме попытки выстроить ещё более тесный двусторонний альянс с Соединёнными Штатами, существуют и другие стратегические опции, к которым может прибегнуть Варшава. Например, активизация проекта «Триморье» (Trójmorze), предусматривающего формирование блока из стран Вишеградской группы (Польши, Венгрии, Чехии и Словакии), Балтии, Австрии, Хорватии, Болгарии и Румынии с подключением к ним Украины и Молдавии. На этот сценарий работает и давняя инициатива «Via Carpatia» по созданию логистической сети, соединяющей побережье Балтики (Клайпеда) со Средиземным морем (Салоники). На встрече лидеров «Триморья» в Бухаресте в сентябре 2018 г. даже было объявлено о создании специального инфраструктурного фонда, а сама инициатива, отметим, уже получила поддержку США в лице Президента Д. Трампа, посетившего саммит организации летом прошлого года в Варшаве.

Вместе с тем все попытки выстроить собственный «центральноевропейский блок», к которым, вероятно, прибегнет Варшава в случае, если кризис ЕС усилится, вряд ли смогут принести положительные результаты, поскольку слишком много факторов будет работать против подобной инициативы. Во-первых, помешают многочисленные противоречия, существующие между странами региона, которые сегодня сглаживаются именно мощным наднациональным проектом (ЕС). Во-вторых, не вполне понятно, какие экономические основания может иметь такой союз: назначение гипотетических транспортных коридоров «Север – Юг» неясно, в том время как задачи существующих коридоров «Восток – Запад», а также перспективы их развития вполне понятны. В-третьих, такие мощные во всех смыслах соседи, как «западное ядро» ЕС, которое в случае трансформации Евросоюза, вероятно, станет ещё более консолидированным, а также Россия, вряд ли допустят формирования такого независимого блока, как «Триморье».

Если «восточное крыло» европейского дома начнёт отделяться от основного здания, Польша, вероятно, при поддержке США попытается создать собственный блок. Эти попытки, однако, вряд ли будут успешны – куда вероятнее, что при таком сценарии регион просто вернётся к ситуации 20–30-х гг. прошлого века, когда в нём процветала не кооперация, а ожесточённое соперничество полутора десятков малых и средних государств, возглавляемых националистическими и авторитарными правительствами. Таким образом, антибрюссельская игра сегодняшней Варшавы в долгосрочной перспективе толкает страну и весь регион к ещё большей нестабильности и новым рискам – «стратегический танатос» продолжает довлеть над Польшей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Польские элиты с удивительным упорством повторяют свои исторические ошибки. Вновь у границ Польши создана зона нестабильности и вооружённого конфликта (Украина) [1], вновь испорчены до невозможности отношения с ключевыми для национальной безопасности и экономического развития соседями (Россией, Германией и Евросоюзом в целом), вновь сделана ставка на далёкого и отчасти воображаемого союзника (США), которого Польша, да и вся Восточная Европа интересуют исключительно в контексте отношений с ЕС и Россией. В разных вариациях подобный сценарий не единожды повторялся в прошлом, и каждый раз его итог был чрезвычайно неприятен для Польши. К сожалению, существуют риски, что и в этот раз «стратегический танатос» обладает и Польша, не имея достойных карт на руках, вступит в бесперспективный и бессмысленный конфликт, не сулящий ей ничего хорошего.

Россия в этом случае должна проявить разумную сдержанность и противопоставить польской иррациональности свой здоровый прагматизм и трезвый расчёт. В этом нарастающем кризисе у Кремля потенциально сильный партнёр – сегодня Брюссель так же не заинтересован в расширении американского военно-политического присутствия в Восточной Европе, как и Москва. Кошмаром для России и стран-лидеров ЕС было бы и размещение в Польше американских ракет средней и малой дальности, чего нельзя исключать, учитывая выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и стремление польских «правых» закрепить свой стратегический союз с Вашингтоном. Кроме прочего, на примере Польши видно, насколько ошибаются те эксперты, кто рекомендует российским властям поддерживать и рассчитывать на партнёрство с европейскими национал-популистами. Польские «правые» двумя руками за «традиционные ценности» и от всего сердца проклинают «либералов из Брюсселя», что, однако, не толкает их к диалогу с Россией. Напротив, европейские националисты, кажется, видят своего потенциального протектора в лице Д. Трампа, желающего изоляцию России и раскол Европы. А вот перед Кремлём в последние месяцы открывается перспектива возобновления диалога не с «альтернативной», а с самой что ни на есть реальной Европой, с теми силами внутри ЕС, что стремятся к консолидации континента и выходу Старого света из военно-политической зависимости от США. И Польша совершит, вероятно, крупнейшую в своей послевоенной истории ошибку, если, рассчитывая на гипотетическую американскую поддержку, попытается помешать этим набирающим силу процессам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бышок С. О. Оценка украинского кризиса евроскептическими партиями ЕС // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.03.2019).

2. Васильев А. Падение Польши и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 215–248.
3. Лыкошина Л. С. Дональд Туск: политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2013. 100 с.
4. Польша в новой роли. Европейская политическая динамика [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/ce/2003/ce.050503.asp> (дата обращения: 31.10.2018).
5. Помяновский Е., Юзефчук Г. От Люблина до Украины недалеко // Новая Польша: [сайт]. 2014. № 4. URL: <https://novopol.org/ru/issue/2014/4> (дата обращения: 01.30.2019).
6. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.
7. Amnesty International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amnesty.org/en/library/info/POL30/003/2006/en> (дата обращения: 31.10.2018).
8. Baudrillard J. L'échange symbolique et la mort. Paris: Gallimard, 1976. 352 p.
9. Cohen S. B. Geopolitics of the World system. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 435 p.
10. Davies N. Heart of Europe. The Past in Poland's Present. New York, 2001. 520 p.
11. Domańska E. [Re]creative myths and constructed history (The case of Poland) // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond. Brussels: P.I.E., 2000. P. 249–262.
12. Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 03.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: [http://aei.pitt.edu/38853/1/COM_\(2008\)_823.pdf](http://aei.pitt.edu/38853/1/COM_(2008)_823.pdf) (дата обращения: 30.10.2018).
13. European Commission: Press release. Rule of Law: European Commission refers Poland to the European Court of Justice to protect the independence of the Polish Supreme Court [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-5830_en.htm?locale=en (дата обращения: 30.10.2018).
14. Friedman G. Poland's Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy> (дата обращения: 30.10.2018).
15. Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <http://www.mysearch.org.uk/website1/pdf/715.2.pdf> (дата обращения: 30.10.2018).
16. Friszke A. Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. 14 czerwca (Friszke A. What's state interest in the history // Gazeta Wyborcza. 2008. June 14).
17. Gryz J. Rosyjska polityka energetyczna Implikacje dla bezpieczeństwa Polski [Russian energy policy. Implications for the security of Poland]. Warszawa, Akademia Obrony Narodowej, 2009. 59 s.
18. Idejnaya deklaraciya KNP // Polsha 1980: «Solidarnosti» god pervyj. London, 1981. P. 32–34. (Ideological Declaration of KNP // Poland 1980: «Solidarity» the first year. London, 1981. P. 32–34.).
19. Kaplan R. D. Europe's New Map // The American interests: [сайт]. 2013. № 8. URL: <https://www.the-american-interest.com/2013/04/12/europes-new-map> (дата обращения: 30.10.2018).
20. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. America and the World 1990/91. 1991. Vol. 70. № 1. P. 23–33.

21. Lenczowski J. Poland on the Geopolitical Map // *Sarmatian Review*. 2013. Vol. 33. Iss. 1. P. 1730–1733.
22. Libera P. Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczone? // *Pressje*. 2010. T. 22–23. S. 89–97 (Libera P. Polish prometeism. How did it evolve and how was it fought? // *Pressje*. 2010. Vol. 22–23. P. 89–97).
23. Luttwak E. Georgia conflict: Moscow has blown away soft power // *The Telegraph*. 2008. August 16.
24. Okulewicz P. Koncepcja «Międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2001. 417 s. (The concept of «Intermarium» in the political thought and practice of Józef Piłsudski's camp in the years 1918–1926. Poznań; Poznań Publisher, 2001. 417 p.).
25. Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji, Wrocławiu, 28–29 października 2005 roku. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2005. 183 s. (Polish Eastern Policy: Materials of the conference, Wrocław, October 28–29, 2005. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2005. 183 p.).
26. Rotfeld A. Nadal boimy się Rosji (Rotfeld A. We are still afraid of Russia) [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <http://www.polskatimes.pl/artukul/334226,adam-rotfeld-nadal-boimy-sie-rosji,id,t.html> (дата обращения: 30.10.2018).
27. Sus M. Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech (Sus M. Political culture in Poland and Germany) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polska-niemcy-interakcje.pl/articles/show/42> (дата обращения: 30.10.2018).
28. Wyligała H. Trójkąt Weimarski. Współpraca Polski, Francji i Niemiec w latach 1991–2004. Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2010. 528 s. (Wyligała H. Weimar Triangle. Cooperation between Poland, France and Germany in the years 1991–2004. Toruń: Publisher Adam Marszałek, 2010. 528 p.).
29. Yost D. NATO transformed the Alliance's new roles in international security. Washington, DC: United States Institute of Peace, 1998. 432 p.
30. 30. *Gazeta Wyborcza*, 16 lipca 2009. S. 1–2.

REFERENCES

1. Byshok S. O. [Assessment of the Ukrainian crisis, Eurosceptic parties in the EU]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.03.2019).
2. Vasil'ev A. [The fall of Poland and model of memorializing the injury]. In: *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati* [Crises are pivotal eras in the historical memory]. Moscow, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 215–248.
3. Lykoshina L. S. *Donal'd Tusk: politicheskii portret* [Donald Tusk: a political portrait]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 100 p.
4. *Pol'sha v novoi roli. Evropeiskaya politicheskaya dinamika* [Poland in a new role. European political dynamics]. Available at: <http://archive.svoboda.org/programs/ce/2003/ce.050503.asp> (accessed: 31.10.2018).

5. Pomyanovsky E., Yuzefchuk G. [From Lublin to Ukraine is not far]. In: *Novaya Pol'sha* [The New Poland], 2014, no. 4. Available at: <https://novpol.org/ru/issue/2014/4> (accessed: 01.30.2019).
6. Stegny P. V. *Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795* [The partitions of Poland and Catherine II's diplomacy. 1772. 1793. 1795]. Moscow, International relationships Publ., 2002. 696 p.
7. Amnesty International. Available at: <http://www.amnesty.org/en/library/info/POL30/003/2006/en> (accessed: 31.10.2018).
8. Baudrillard J. *L'échange symbolique et la mort*. Paris: Gallimard, 1976. 352 p.
9. Cohen S. B. *Geopolitics of the World system*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 435 p.
10. Davies N. *Heart of Europe. The Past in Poland's Present*. New York, 2001. 520 p.
11. Domańska E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland). In: *Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond*. Brussels: P.I.E., 2000, pp. 249–262.
12. Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, 03.12.2008. Available at: [http://aei.pitt.edu/38853/1/COM_\(2008\)_823.pdf](http://aei.pitt.edu/38853/1/COM_(2008)_823.pdf) (accessed: 30.10.2018).
13. European Commission. Rule of Law: European Commission refers Poland to the European Court of Justice to protect the independence of the Polish Supreme Court. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-5830_en.htm?locale=en (accessed: 30.10.2018).
14. Friedman G. Poland's Strategy. Available at: <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy> (accessed: 30.10.2018).
15. Friedman G. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*, 2010. Available at: <http://www.mysearch.org.uk/website1/pdf/715.2.pdf> (accessed: 30.10.2018).
16. Friszke A. [What's state interest in the history]. In: *Gazeta Wyborcza*, 2008, June 14.
17. Gryz J. *Rosyjska polityka energetyczna Implikacje dla bezpieczeństwa Polski* [Russian energy policy. Implications for the security of Poland]. Warszawa, Akademia Obrony Narodowej, 2009. 59 s.
18. [Ideological Declaration of KNP]. In: *Polsha 1980: «Solidarnosti» god pervyj* [Poland 1980: «Solidarity» the first year]. London, 1981, pp. 32–34.
19. Kaplan R. D. Europe's New Map. In: *The American interests*, 2013, no. 8. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2013/04/12/europes-new-map> (accessed: 30.10.2018).
20. Krauthammer C. The Unipolar Moment. In: *Foreign Affairs. America and the World 1990/91*, 1991, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
21. Lenczowski J. Poland on the Geopolitical Map. In: *Sarmatian Review*, 2013, vol. 33, iss. 1, pp. 1730–1733.
22. Libera P. [Polish prometeism. How did it evolve and how was it fought?]. In: *Pressje*, 2010, vol. 22–23, pp. 89–97.
23. Luttwak E. Georgia conflict: Moscow has blown away soft power. In: *The Telegraph*, 2008, August 16.

24. Okulewicz P. *Koncepcja «Międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926* [The concept of «Intermarium» in the political thought and practice of Józef Piłsudski's camp in the years 1918–1926]. Poznań, Poznań Publisher, 2001. 417 p.
25. *Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji, Wrocławiu, 28–29 października 2005 roku* [Polish Eastern Policy: Materials of the conference, Wrocław, October 28–29, 2005]. Wrocław, Kolegium Europy Wschodniej, 2005. 183 p.
26. Rotfeld A. *Nadal boimy się Rosji* [We are still afraid of Russia]. Available at: <http://www.polskatimes.pl/artykul/334226,adam-rotfeld-nadal-boimy-sie-rosji,id,t.html> (accessed: 30.10.2018).
27. Sus M. *Kultura polityczna w Polsce i w Niemczech* [Political culture in Poland and Germany]. Available at: <http://www.polska-niemcy-interakcje.pl/articles/show/42> (accessed: 30.10.2018).
28. Wyligala H. *Trójkąt Weimarski. Współpraca Polski, Francji i Niemiec w latach 1991–2004* [Weimar Triangle. Cooperation between Poland, France and Germany in the years 1991–2004]. Toruń, Publisher Adam Marszałek, 2010. 528 p.
29. Yost D. NATO transformed the Alliance's new roles in international security. Washington, DC, United States Institute of Peace, 1998. 432 p.
30. *Gazeta Wyborcza*, 16 lipca 2009. S. 1–2.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.04.2019

Статья размещена на сайте: 19.06.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буневич Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, директор Института русско-польского сотрудничества; e-mail: d.bunevich@rospol.org

Dmitry S. Bunevich – PhD in Historical sciences, Director at the Russian-Polish Cooperation Institute; e-mail: d.bunevich@rospol.org

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Буневич Д. С. «Стратегический танатос» Польши // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Bunevich D. S. "Strategic thanatos" of Poland. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru